

7. Грибановский Анастасий. А. С. Пушкин в его отношении к религии и Православной церкви / Анастасий Грибановский // А. С. Пушкин: путь к Православию. – М.: Отчий дом, 1996. – С. 66-129.
8. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4-х томах / В.И. Даль. – М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1955.
9. Иванов В. И. К проблеме звукообраза у Пушкина / В.И. Иванов // Пушкин в русской филологической критике: Конец XIX — первая половина XX в. — М.: Книга, 1990. — С. 262—269.
10. Лотман Ю. М. Анализ поэтического текста // Лотман Ю. М. О поэтах и поэзии. – Санкт-Петербург, 1996.
11. Лотман Ю. М. В школе поэтического слова: Пушкин. Лермонтов. Гоголь: Книга для учителя / Ю.М. Лотман. – М.: Просвещение, 1988. – 352с.
12. Папина А. Ф. Текст: его единицы и глобальные категории: Учебник для студентов-журналистов и филологов / А.Ф. Папина. – М.: «Едиториал УРСС», 2002. – 368с.
13. Пумпянский Л. В. «Медный всадник» и поэтическая традиция 18 века / Л.В. Пумпянский // Пушкин: Временник Пушкинской комиссии. Вып.4-5.– М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1939, С.91-124.
14. Пушкин А. С. Медный всадник // Собрание сочинений в 8-ми томах. Т.4. / А.С. Пушкин– М.: Художественная литература, 1969.
15. Скоробогатова Е. А. Категория грамматического рода и оппозиция «свой-чужой мир» в поэтических произведениях А. С. Пушкина / Е.А. Скоробогатова // Вісник Харківського університету, № 448, X., 1999. – С.411-414.
16. Скоробогатова Е. А. Стилистические функции актуализации грамматических категорий рода и числа в поэзии А. С. Пушкина / Е.А. Скоробогатова // Вісник Харківського університету, №449 (Пушкін наприкінці XX століття), Харків, - 1999. – С.229-232.
17. Черкасова Л. П. Выражение антропоморфности в лирике Б. Пастернака / Л.П. Черкасова // Филологический сборник (Памяти Ленины Павловны Черкасовой): Сб. науч. статей / Под ред. Е. А. Скоробогатовой и Н. Н. Халанской. – Харьков: ХГПУ, 2003. – с.8-20.

УДК 811.161.1'42

Дидоренко М.П.

КОНЦЕПТ КАК ДИНАМИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

Дидоренко М.П.

КОНЦЕПТ ЯК ДИНАМІЧНЕ УТВОРЕННЯ

Стаття присвячена проблемі дефініції концепту у функціональному (динамічному) аспекті як зв'язку між його словесними та предметно-образними визначеннями. Теоретичні положення ілюструються прикладами з творів С. Кличкова

Ключові слова: концепт, поняття, зміст тексту, динамічний аспект.

Дидоренко М.П.

КОНЦЕПТ КАК ДИНАМИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

Статья посвящена проблеме дефиниции концепта в функциональном (динамическом) аспекте как связи между его словесными и предметно-образными определениями. Теоретические положения иллюстрируются примерами из произведений С. Клычкова.

Ключевые слова: концепт, понятие, содержание текста, динамический аспект.

Didorenko M.P

CONCEPT AS A DYNAMIC STRUCTURE

The article is devoted to the definition of the concept in the functional (dynamic) aspect as a connection between his verbal and subject-shaped definitions. The theoretical propositions are illustrated by examples from the works of S. Klychkov

Key words: concept, notion, content of the text, the dynamic aspect.

Термин *концепт* в лингвистике и старый, и новый одновременно. Ещё в 1928 г. С.А. Аскольдов в своей статье «Концепт и слово» подчёркивал, что вопрос о природе *концептов*, или *общих понятий*, или, по средневековой терминологии, –

универсалий – старый [5, с.31]. Однако, несмотря на это, слово *концепт* ещё не воспринималось как термин в научной литературе. Лишь в 80-х гг. XX в. в связи с переводами англоязычных авторов на русский язык возникает термин *концепт* как обозначение определенного рода ментальных единиц.

Хотя этот термин достаточно прочно утвердился в современной лингвистике, он до сих пор не имеет общепринятого определения (ср. определения концепта в трудах Н.Д. Арутюновой, А.П. Бабушкина, А. Вежбицкой, Е.С. Кубряковой, С.Е. Никитиной, В.Н. Телии, Р.М. Фрумкиной и др.).

Расхождения, в частности, связаны с различной оценкой роли языка в формировании концепта [5, с. 34]. На этом основании можно выделить три основных подхода к пониманию концепта: первый подход, представителем которого является Ю.С. Степанов, большее внимание уделяет культурологическому аспекту; Н.Д. Арутюнова и её школа, Т.В. Булыгина, А.Д. Шмелёв и др. – семантическому содержанию языкового знака (т.е. лексическому значению как оно представлено в словарной статье), видя в нём единственное средство формирования содержания; сторонники же третьего подхода (Д.С. Лихачёв, Е.С. Кубрякова и др.) считают, что концепт возникает не непосредственно из значения слова, а является результатом столкновения значения слова и личного и народного опыта человека [5, с. 32]. Также различные направления могут по-разному давать ответ на вопрос о том, считать ли концепт единицей индивидуального или национального сознания. Наиболее «индивидуализирован» концепт в трактовке психолингвистов, например, в трудах А.А. Залевской.

По своей внутренней форме термин *концепт* сходен с термином *понятие* (*концепт* является калькой с лат. *conceptus* – «понятие»). Не случайно в осмыслениях различных исследователей *концепт* и *понятие* часто предстают как однопорядковые явления (напр., Ю.С. Степанов рассматривал *концепт* как некоторую идею, включающую абстрактные, конкретно-ассоциативные и эмоционально оценочные признаки [8, с. 412], В.В. Колесов определяет *концепт* как сущность понятия [4, с. 19-20]). Однако, хотя содержание терминов *понятие* и *концепт* часто рассматриваются как явления одного порядка, одновременно предпринимается попытка разграничить их. Концепты – это лишь наиболее сложные и важные понятия, без которых трудно себе представить определённый текст, ситуацию, культуру, «они являются своего рода символами, эмблемами, определённо указывающими на породивший их текст, ситуацию, знания» [5, с. 27-28].

Традиционно *понятие* рассматривается как «совокупность познанных существенных признаков». Данное определение, как и определение *концепта* как «ментального образования» (В.А. Маслова), «оперативной содержательной единицы памяти» (Е.С. Кубрякова), «продукта человеческой мысли» (В.Н. Телия) – традиционно представляет *концепт/понятие* в статическом рассмотрении, без учёта процессуальности мышления, а языка как деятельности. В данной статье представлена по-

пытка рассмотреть категорию *концепт* с точки зрения функционального (динамического) подхода.

В основу данного подхода, как одной из разновидностей антропоцентрического подхода, положена модель, учитывающая особенности реального функционирования текста в социуме и основанная на данных не только лингвистики, но и других наук о человеке. А.А. Залевская отмечает, что «декларирующийся антропоцентрический подход к языку требует ориентации лингвистики на комплексный междисциплинарный подход, требующий сущностной реализации декларируемого тезиса о «человеческом факторе»» [2, с. 33].

Функциональное (динамическое) направление в языкознании, рассматривающее язык как деятельность, имеет длительную философскую традицию – «в сущности, не менее длительную и сильную, чем традиция упорядочивающего подхода к языку, хотя, быть может, в меньшей степени, чем последняя, ощущаемую в качестве единого направления» [1, с. 20]. Наиболее ярким проявлением этого подхода в начале XIX века явилось учение В. Гумбольдта о языке «как духовной энергии, находящей уникальное творческое выражение в каждом акте употребления языка» (цит. по [1, с. 21]). Наиболее интересным продолжением гумбольдтианского подхода к языку во второй половине XX века явились рассуждения Потебни о соотношении слова и образа [6]. Однако здесь «у рационалистически-позитивистского подхода оказывалось огромное преимущество, поскольку он опирался на громадную традицию описания языка в параметрах устойчивых, твердых, “закономерно” построенных форм: традицию, идущую от латинских грамматик поздней античности и века схоластики», поэтому «даже такие лингвисты, как Гумбольдт или Потебня, когда переходили к конкретным описаниям языкового материала, должны были пользоваться тем же понятийным аппаратом, тем же набором языковых единиц и категорий, что их философские антагонисты» [1, с. 22-23]. В начале XX века функционализм получил развитие в трудах по библиопсихологии Н.А. Рубакина, позже в психолингвистических исследованиях. Лингвофилософское обоснование этой парадигмы связано с идеями М.Н. Правдина. Практическое применение функционального подхода в области анализа художественных текстов осуществлено в работах учеников М.Н. Правдина.

С функциональной (динамической) точки зрения содержание текста и его единиц рассматривается как мыслительная деятельность реципиента в ходе восприятия формы текста. В процессе рецепции воспринимающий переходит от вербального линейного развёртывания текста к оперированию «предметными» образами (т.е. образами явлений, ситуаций внетекстовой действительности). Переход от восприятия линейно расположен-

ных вербальных единиц текста к восприятию на уровне «предметных» образов и понятий представляет собой своеобразное «переструктурирование» текста, поскольку линейные связи между вербальными единицами не соответствуют связям между «предметными» образами. Таким образом, получается, что на образно-понятийном уровне единицами одной системы оказываются образы, которые генерируются вербальными единицами, не образующими синтагму, не связанными непосредственно друг с другом. Формирование систем «предметных» образов в процессе рецепции это и есть, по существу, процесс понимания текста – содержание с функциональной (динамической) точки зрения. Такие системы «предметных» образов могут быть названы *парадигмами*, а закон, по которому формируется парадигма, – *понятием* в динамическом рассмотрении.

При традиционном, «статическом» понимании этой категории, *понятие* – это набор существенных признаков, с динамической же точки зрения понятие процессуально: это не результат мыслительной деятельности, а сама мыслительная деятельность (ср.: ходьба – не результат деятельности ног, а сама деятельность – аналогия Э.В. Ильенкова). В ходе осмысления текста и его единиц друг с другом связываются и объединяются в парадигмы различные «предметные» образы и словесные определения, хотя буквально понятие не заключается ни в словах, ни в «предметных» образах. М.Н. Правдин отмечает, что «отождествление понятия с определением приводит к мировоззренческому и лингвистическому нигилизму и плюрализму, т.е. к тому, что вообще смазывается представление о различии между истиной и заблуждением», поскольку «невозможно никакую словесную экспликацию «содержания» понятия сделать единственной и обязательной для всех людей и для всех ситуаций, даже обосновав такую экспликацию самыми современными научными данными и подкрепив самыми очевидными доводами здравого рассудка» [7, с. 149-150]. С функциональной точки зрения концепт (значимое для творчества автора или культуры понятие) – это не сумма его определений (словесных и предметно-образных), а формирование системы этих определений, образование связей между ними. Например, А.А. Залевская определяет концепт как «спонтанно функционирующее в познавательной и коммуникативной деятельности индивида перцептивно-когнитивно-аффективное образование динамического характера» [3, с. 39]. Таким образом, концепт (как и понятие) с динамической точки зрения не «совокупность познанных признаков», не «продукт человеческой мысли», не сумма его вербальных и невербальных определений, а процесс конструирования этих определений, связывание друг с другом различных «предметных» и словесных обра-

зов, т.е. не совокупность познанных признаков, а процесс создания этой совокупности, поскольку согласно психологическому и философскому подходу к мыслительной и языковой деятельности человека, мысль всегда процессуальна.

Например, при восприятии поэтических текстов С. Клычкова, в сознании воспринимающего (в данном случае, автора статьи) формируются, например, определения таких понятий, как понятия о природе, о лирическом герое, о других лирических персонажах, а также о мифологичности. Систему парадигм определений можно представить следующим образом:

ЛИРИЧЕСКИЙ ГЕРОЙ – практически не выражает своё эмоциональное состояние, экспликацию составляют незначительные проявления «светлой пушкинской» интонации притягивания всего.

ЛИРИЧЕСКИЕ ПЕРСОНАЖИ – контурно описаны, т.е. обладают общей характеристикой (напр., *друг, враг*), а также герои языческих легенд (напр., *леший, русалка, Лада, Лель* и др.)

ПРИРОДА – одухотворена, близка к человеку, имеет признаки природы «другого измерения» благодаря специфической цветовой гамме: контрастные *красный, синий, белый*, редкие и сказочные *серебряный, золотой*, цвета минералов – *жемчуг, янтари, аметисты, бирюза, перламутр, изумруд, яхонт* (напр., *под сенью бирюзовой; а роса... как слёзы на серебряных ресницах; он идёт золотую косой* и т.д.).

МИФ – нереальный, сказочный мир, с мифическими персонажами и героями, которые эмпирически лишены психологической жизни.

Все представленные выше интерпретации на образно-понятийном уровне представляют собой «пучок связей» между определениями соответствующих понятий. Данные образно-понятийные структуры, парадигмы, в процессе восприятия формируют свой состав не независимо друг от друга, а в тесной связи друг с другом: напр., парадигмы **ЛИРИЧЕСКИЙ ГЕРОЙ** и **ЛИРИЧЕСКИЕ ПЕРСОНАЖИ** оказываются связанными с парадигмой **ПРИРОДА**, поскольку все герои в лирике Клычкова «оприродованы»; а парадигма **МИФ** теснейшим образом связана практически со всеми парадигмами, представленными у Клычкова, в том числе, и с парадигмами **ЛИРИЧЕСКИЙ ГЕРОЙ**, **ЛИРИЧЕСКИЕ ПЕРСОНАЖИ** и **ПРИРОДА** (лирический герой практически лишён психологизма, как и подобает мифологическому, сказочному герою; лирические персонажи в своём большинстве – герои языческих легенд; а природа не только одухотворена, но и «сказочно разрисована»). Таким образом, в процессе восприятия текстов понятие о мифе и парадигма **МИФ** (как система определений понятия) оказывается значимой для понимания творчества С. Клычкова, значимой в гиперпарадигме текстов данного ав-

тора. Поэтому данное понятие в творчестве Клычкова является концептом.

Таким образом, *концепт* как ментальная структура с динамической точки зрения представляет собой законы, связи, переходы от одного определения к другому, связывание признаков в одну структуру. С этой точки зрения сами признаки являются определениями концепта, а не им самим. Данная модель концепта, на наш взгляд, в большей степени, чем статическая, приближена к моделируемому объекту и в большей степени соответствует принципам междисциплинарного антропоцентрического подхода к анализу языка.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гаспаров Б.М. Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования/Б.М. Гаспаров. – М.: Новое Литературное Обозрение, 1996. – 352 с.
2. Залевская А.А. Введение в психолингвистику/А.А. Залевская. – М.: МГУ, 1999. – 348 с.
3. Залевская А.А. Текст и его понимание/А.А. Залевская. – Тверь: Изд-во Тверского ун-та, 2001. – 177 с.
4. Колесов В.В. Язык и ментальность/В.В. Колесов. — СПб.: Петербургское Востоковедение, 2004. – 240 с.
5. Маслова В.А. Когнитивная лингвистика: Учебное пособие / В.А. Маслова. – Мн.: Тетра-Системс, 2004. – 256 с.
6. Потебня А.А. Мысль и язык // Слово и Миф/А.А. Потебня. – М.: Правда, 1989. – С.17-200.
7. Правдин М.Н. Проблема абстрактного и конкретного в мышлении и языке/М.Н. Правдин. – М.: Вдохновение, 1991. – 231 с.
8. Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры / Ю.С. Степанов. – М.: Школа Языки русской культуры, 1997. – 824 с.